

УДК 343.9.01
ББК 67.511

А.И. Коробеев

*доктор юридических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация*

В.В. Сонин

*Китайский политико-юридический университет Цинхуа,
г. Пекин, Китайская Народная Республика*

ОБЗОР 5-Й СЕССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА «ПРЕСТУПНОСТЬ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

Научная статья посвящена анализу деятельности 5-й сессии Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации», проходившей 26–28 октября 2013 г. в Пекине и объединившей около 200 ученых и экспертов из 19 государств мира – Аргентины, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Канады, Китая (включая Гонконг и Макао), Колумбии, России, Сербии, США, Таиланда, Тайваня, Филиппин, Японии, а также представителей ООН, Европола и Международной криминологической ассоциации. Форум проходил под девизом: «Объединим людей во всем мире в создании новой эры глобальной антикоррупции!» В обзоре отражены основные подходы к данной проблеме профессора Хэ Бинсуна (КНР), предложено определение коррупции как получения лицом или организацией личной выгоды посредством властно-денежного обмена, отмечены наиболее опасные проявления коррупции, в том числе коррупция в высших эшелонах власти, неограниченное распространение рынка и рыночных ценностей в эпоху триумфа экономического либерализма, а также феномен «политики грязных денег». Содержатся предложения участников форума: Хэ Бинсуна (КНР), Фернандо Наварро Кардозо (Университет Лас-Пальмас-де-Гран-Канария, Испания), Эндрю Брэиди Спэлдинга (Университет Ричмонда, США), Бернда Хейнриха (Университет Гумбольдта, Германия), В.И. Михайлова (Российская Федерация), А.В. Федорова (Российская Федерация), А.П. Кузнецова (Российская Федерация), Сэмюэла Бьюэлла (Университет Дьюка, США), Эдуарда Питреза де Агиара Корреа (Университет Рио-Гранде, Бразилия), Срето Ного (Университет Мегатренд, Сербия), Лю Жень-вэня (КНР). В обзоре содержится принятая на форуме резолюция, в которой отражены основные подходы к уголовной политике государств на современном этапе развития международного уголовного права национальных правовых систем в сфере борьбы с коррупцией. Резолюция раскрывает общественное мнение ученых и экспертов ведущих стран мира по оптимизации уголовно-правовых и криминологических мер противодействия коррупции в эпоху глобализации.

Ключевые слова: криминологическая наука; уголовная политика в сфере борьбы с коррупцией; международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией; оптимизация мер противодействия коррупции.

A.I. Korobeev

*Doctor of Law, Professor,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation*

V.V. Sonin

*Chinese Qinghua University of Politics and Law,
Beijing, People's Republic of China*

THE 5TH SESSION OF INTERNATIONAL FORUM «CRIME AND CRIMINAL LAW IN THE GLOBAL ERA»

Abstract

This scientific paper is devoted to The 5th session of international forum «Crime and Criminal law in the Global Era» work analysis. The session took place in Beijing on 26–28 October 2013. It united

more than 200 scientists from 19 countries of the world – Argentina, Brazil, the UK, Hungary, Germany, Spain, Italy, Canada, China (including Hongkong and Macau), Colombia, Russia, Serbia, USA, Thailand, Taiwan, Philippine. Japan and the UN, Interpol and International Criminological Association representatives. The Head line of the Forum was «Unite all the people in the world in process of new Global Era of anti-corruption development». The review describes main approaches of Professor He Bingsong to the problem, the suggested definition of «corruption», most dangerous manifestations of corruption (including those in the top echelons of power), unlimited marketization and market values expansion, and phenomenon of «black money policy». The article provides with suggestions of the following Forum participants: He Bingsong (People's Republic of China), Fernando Navarro Cardozo (Las Palmas de Gran Canaria University, Spain), Andrew Brady Spalding (Richmond University, USA), Bernd Heinrich (Humboldt University, Berlin, Germany), V.I. Mihailova (Russian Federation), A.V. Federova (Russian Federation), A.P. Kuznecova (Russian Federation), Samuel Buell (Duke University, USA), Eduard Pitrezza de Aguiara Correa (Rio-Grande University, Brasil), Sreto Nogo (Megatrend University, Belgrad, Serbia), Liu Renwen (People's Republic of China). The review provides with the resolution adopted on the Forum. The resolution reflects main approaches to current criminal policy of countries in terms of international and national criminal law systems development related to corruption counteraction. The resolution reveals opinion of scientists and experts on optimization of criminal legal and criminological measures of corruption counteraction in Global Era.

Key words: criminology; corruption counteraction criminal policy; international legal regulation of corruption counteraction; corruption counteraction optimization.

С 26 по 28 октября 2013 г. в Пекине проходила 5-я сессия Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации», посвященная вопросам коррупции и борьбы с ней в глобализирующемся мире. 196 ученых и специалистов из 19 государств и регионов мира, а также представители ООН, Европола, Международной криминологической ассоциации и других международных организаций в ходе трехдневной работы обсудили проблемы понимания коррупции и ее наиболее опасных форм в условиях глобализации, представили доклады о состоянии коррупции и мерах противодействия ей на международном и национальном уровнях, а также приняли консолидированную резолюцию.

На открытии форума с пленарным докладом на тему «Глобальная коррупция: опасность, причины и контрмеры» выступил его председатель профессор Хэ Бинсун. Определив коррупцию как получение лицом или организацией личной выгоды посредством властно-денежного обмена, докладчик назвал наиболее опасные ее проявления, в том числе коррупцию в высших эшелонах власти, неограниченное распространение рынка и рыночных ценностей в эпоху триумфа экономического либерализма, а также феномен «политики грязных денег». Последний термин предложен профессором Хэ для обозначения особо опасной формы коррупции, возникаю-

щей в результате финансового проникновения организованной преступности в систему государственной власти и последующего сращивания преступности и государства.

По мнению докладчика, нынешний небывалый размах коррупции связан со спецификой исторической эпохи – эпохи глобализации. Одна из причин коррупции лежит в политической плоскости, а именно в разного рода недостатках существующих демократических институтов. Уровень развития демократических институтов обратно пропорционален уровню коррупции в обществе: чем более демократическим становится общество, тем меньше в нем места для коррупционных явлений. В качестве экономической причины коррупции было названо беспрецедентное повышение роли рынка и рыночной экономики в обществе, вторжение рыночных ценностей и принципов в несвойственные для них сферы общественной жизни, в том числе в области политики и общественной нравственности. Такая экспансия приводит к разрушению общественной системы ценностей и нравственной парадигмы, разрушению духовных основ личности. В связи с этим основными мерами противодействия коррупции должны стать политическая и экономическая реформы. Первая призвана расширить и укрепить институты демократии на всех уровнях общественной и государственной жизни в со-

ответствии с конкретными условиями и уровнем политического развития различных государств. Вторая – экономическая – реформа должна устранить условия, способствующие экспансии рынка и рыночных отношений на традиционно нерыночные сферы общественной жизни.

Основной доклад от российской делегации был сделан доцентом В.И. Михайловым (сотрудник Государственно-правового управления Президента Российской Федерации). В выступлении были затронуты основные направления в сфере противодействия коррупции; подчеркнуто, что коррупция приобрела черты системной угрозы не только отдельным странам, но и миру и безопасности человечества в целом; выделены элементы государственной антикоррупционной политики; проанализированы этапы ее развития; подробнейшим образом раскрыт закрепленный в законодательстве Российской Федерации и применяемый на практике механизм противодействия коррупции, включающий в себя три компонента: 1) предупреждение (профилактику) коррупции; 2) уголовное преследование лиц, совершивших коррупционные преступления (борьбу); 3) минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных деяний.

Докладчик констатировал, что в настоящее время в Российской Федерации реализуется третий по счету Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 гг. Результатами исполнения двух предыдущих национальных планов противодействия коррупции являются создание развернутой нормативно-правовой базы противодействия коррупции, налаживание работы подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений и в целом последовательное наращивание усилий государства по противодействию коррупции. Вместе с тем не была решена одна из важнейших задач государственной антикоррупционной политики: в обществе не было сформировано жесткое неприятие коррупции. Многие из принимаемых государственными и муниципальными органами мер носили формальный характер, проводились «для галочки» в отношении работников низового звена и не затрагивали лиц, реально причастных к коррупции.

Коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех

существенных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу. В связи с этим Национальным планом противодействия коррупции на 2012–2013 гг. закреплен ряд мер, направленных прежде всего на повышение результативности работы механизма по недопущению конфликта интересов, на усиление роли подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

С недавних пор противодействие коррупции стало охватывать и негосударственные службы, где также имеются типичные для публичной сферы коррупционные и тесно связанные с ними деяния: подкуп, инсайдерская торговля, фальшивый бухучет, система «откатов», должностные преступления и злоупотребления служебным положением. Угрозы, питаемые системой этих преступлений, получают оценку глобально-экономических. Эти тенденции повлияли на изменение вектора противодействия коррупции в мире, более явными из которых стали следующие: 1) смещение акцентов в противодействии коррупционным проявлениям во всем мире с государственной сферы на частную; 2) сочетание и взаимодополняемость мер предупреждения коррупции, принимаемых в рамках международного публичного права и международного частного права [2].

Доклад профессора А.В. Федорова (заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации) был посвящен антикоррупционным стандартам ОЭСР и их реализации в российском уголовном законодательстве. В выступлении отмечалось, что последним из многосторонних международных антикоррупционных договоров, к которым присоединилась Россия, стала Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 17 апреля 2012 г. и с этого момента, согласно ст. 15 Конституции РФ, стала составляющей ее правовой системы. Поскольку Конвенция ОЭСР против подкупа не является документом прямого действия, в докладе проанализированы пути и способы закрепления соответству-

ющих антикоррупционных стандартов ОЭСР в российском уголовном законодательстве.

Докладчик, в частности, обратил внимание на то, что, согласно Конвенции ОЭСР против подкупа, каждая сторона – ее участник принимает все необходимые меры к тому, чтобы сумма подкупа и доходы от подкупа иностранного должностного лица, а также имущество, стоимость которого соответствует указанным доходам, подлежали изъятию или конфискации либо наложению штрафов, обеспечивающих соразмерный эффект. Во исполнение этого ее положения Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, устанавливающие размеры штрафа кратными сумме взятки – до стократной суммы взятки, но не более 500 млн р.

В результате не только вырос размер штрафов, налагаемых на взяточников, но и значительно увеличилась частота применения к ним этой меры наказания без существенного снижения частоты применения наказания в виде лишения свободы. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, если в 2010 г. штраф назначался 39 % осужденных за дачу взятки по ст. 291 УК, то в 2011 г. этот вид наказания применялся уже в 55 % случаев, а в 2012 г. – к 86 % осужденных за дачу взятки. Аналогичная ситуация сложилась с применением штрафа как наказания за получение взятки по ст. 290 УК РФ: в 2010 г. – 12,5 %, в 2011 г. – 33,8 %, в 2012 г. – 73,3 %. Таким образом, если раньше к лишению свободы или штрафу осуждалась меньшая часть взяточников, а к остальным применялись иные меры наказания, в основном условное осуждение, то теперь штраф стал основной мерой ответственности. При этом имеет место еще и конфискация предмета взятки.

С учетом изложенного докладчик констатировал наличие потенциала для эффективного соблюдения Российской Федерацией положений Конвенции ОЭСР, предусматривающих применение финансовых санкций, обеспечивающих соразмерный эффект и оказывающих сдерживающее воздействие на потенциальных взяточников. В то же время рос-

сийские реалии таковы, что потенциал есть, а отдача от него не всегда наступает. Свидетельством этого является сделанный недавно доклад Генерального прокурора Президенту России, из которого следует, что наказания в виде штрафов, применяемые к физическим лицам, практически не реализуются. Так, на 1 апреля 2013 г. в ФССП России находилось 1 045 исполнительных листов по штрафам на 19 млрд р., а взыскано всего 19 млн р. по 121 листу. Таким образом, реализация меры наказания в виде штрафа в суммарном исчислении исполняется лишь на 1 % [3].

В выступлении профессора А.П. Кузнецова, заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Института менеджмента и бизнеса, были затронуты теоретико-прикладные аспекты исследования проблем противодействия коррупции. Анализ подверглись понятие, социальная сущность, характерные признаки, формы противодействия коррупции в российском законодательстве и международных правовых актах.

По мнению докладчика, противодействие коррупции становится реальным, а не виртуальным лишь тогда, когда такая деятельность: 1) опирается на научно обоснованную политику в этой основательно запущенной сфере общественных отношений, проведение которой сопровождается постоянным надзором и координацией со стороны всех ветвей и уровней власти; 2) основывается не только на тех принципах, что указаны в ст. 3 Закона (законность, публичность и открытость деятельности), но и на таких, как справедливость, ответственность, честность и неподкупность, правильное, добросовестное и надлежащее выполнение своих функций; 3) осуществляется при активной поддержке и непосредственном участии населения, основной массы россиян, с помощью которых только и возможно создание атмосферы нетерпимости в отношении коррупции; 4) поддерживается на международном уровне с помощью закрепления мер противодействия коррупции в международных правовых актах [1].

Испанский профессор Фернандо Наварро Кардозо из Университета Лас-Пальмас-де-Гран-Канария предложил в общем определить коррупцию как «злоупотребление публичной властью в частных целях». Различая публичную и частную коррупцию, профессор Кардозо отмечает их общую структуру: должностную обязанность, соответствующую

систему нормативного регулирования и внеслужебную выгоду.

Коррупция в своей основе представляет этическую проблему и существует во всех, даже самых совершенных социальных системах, если только там есть коррумпированные граждане. Ключевое значение в противодействии коррупции должно придаваться образованию граждан и воспитанию у них соответствующих ценностей, поскольку в конечном итоге «нельзя победить коррупцию одной лишь борьбой с ней». Важной составляющей противодействия коррупции являются превентивные меры, в том числе открытость деятельности правительства, общественный контроль за принятием решений, рационализация публичного управления и т.д. Открытость правительства обеспечивается как упрощением, стандартизацией, автоматизацией административных и судебных процедур, так и санкционированием различных форм общественного контроля. Повышение уровня открытости государственных органов возможно через развитие различных форм «демократии участия», в особенности на местном уровне. При этом уголовное право составляет *ultima ratio* в отношении коррупции, его применение означает провал всех остальных средств противодействия. Если противодействие коррупции осуществляется надлежащим образом, применение уголовно-правовых средств не требуется. В то же время превентивный контроль и средства борьбы с преступностью не могут быть заменены одними лишь воспитательными мерами.

Эндрю Брэйд Спэлдинг из Университета Ричмонда (США) посвятил свой доклад проблеме экспорта коррупции. Спэлдинг классифицирует коррупцию на внутреннюю, импортированную (подкуп иностранными компаниями должностных лиц данного государства) и экспортированную (подкуп компаниями, зарегистрированными в данном государстве, иностранных должностных лиц). Впервые экспорт коррупции привлек внимание американского законодателя в 1977 г., когда на волне критики практикуемого американскими корпорациями за рубежом взяточничества был принят Закон о коррупционных действиях за границей (*Foreign Corrupt Practices Act, FCPA*). По мере роста инвестиционной активности развитых стран в 1997 г. ОЭСР была разработана Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении между-

народных коммерческих сделок. В результате активизации инвестиционной деятельности развивающихся стран, в том числе стран БРИК, ставится проблема дальнейшего развития международных механизмов противодействия экспорту коррупции. Хотя в настоящее время ни одна из стран БРИК не стала членом ОЭСР, все они, за исключением Индии, предприняли определенные шаги в этом направлении, в том числе в части присоединения к Конвенции против подкупа. В частности, в УК КНР приняты поправки, запрещающие взяточничество в отношении иностранных должностных лиц для достижения предпринимательских целей. Однако данные нормы содержат значительные расхождения со стандартами ОЭСР, причем КНР, в отличие от России и Бразилии, отнюдь не стремится приводить национальное законодательство в соответствие с ее нормами, демонстрируя намерение идти в этом вопросе собственным путем. Кроме того, американский исследователь отмечает, что, в отличие от жесткой политики по отношению к внутренней коррупции и взяточничеству иностранных компаний в отношении китайских должностных лиц, экспорт коррупции китайскими компаниями не привлекает внимания правоохранительных органов КНР. Автор обращает внимание на противоположные тенденции развития соответствующей политики в США и КНР: если в США, некогда бывших оплотом либерализма и свободного рынка, власти в настоящее время решительно требуют от корпораций разделить общественные усилия по противодействию коррупции, то китайское правительство поощряет свободную от ценностных ограничений погоню китайских компаний за прибылью в развивающихся странах. Таким образом, КНР может остаться единственным крупным экспортером капитала, не являющимся членом Конвенции ОЭСР и не стремящимся присоединиться к ней. В этом смысле остается лишь ожидать от властей КНР практических правоприменительных шагов к снижению экспорта коррупции.

Немецкий взгляд на расследование коррупционных преступлений в правовом государстве представил профессор Бернд Хейнрих из Университета Гумбольдта (Берлин). Различая коррупцию в публичном и частном секторе, автор указывает на большую опасность первой разновидности, обусловленную абсолютной зависимостью граждан от адми-

нистративной монополии государства, которая отсутствует в частном секторе. Хейнрих также подразделяет коррупцию на открытую и скрытую, относя к первой коррупционные действия, совершаемые открыто и повсеместно ввиду отсутствия работающей системы государственного контроля, тогда как скрытая коррупция осуществляется втайне от публики, коллег и начальства. Открытая коррупция особенно опасна с точки зрения принципа правового государства, поскольку подрывает доверие граждан к государству и закону, разделяет сферу государственного управления на коррупционную реальность и правовую квази-реальность. Скрытая коррупция не разрушает правосознание, оставляя ощущение локальности и единичности коррупционных явлений, составляющих исключение из общего порядка функционирования правового государства. Наконец, коррупция подразделяется автором на ситуативную (при которой коррупционные действия носят незапланированный характер и не входят в привычку участников общественных отношений) и структурную (составляющую регулярную практику, включающую множество лиц в некой форме организации).

Характеризуя уголовно-правовое регулирование коррупционных преступлений в ФРГ, профессор Хейнрих выделяет четыре состава преступления, сформулированных на основе критериев активности действий субъекта и законности действий должностного лица; соответственно, предусмотрены получение и дача взятки за совершение должностным лицом законного либо незаконного действия. Согласно статистике, в 2011 г. в Германии зафиксировано 1 100 дел о коррупционных преступлениях (в сравнении с 2,4 млн краж, зарегистрированных в том же году), по которым лишь 215 преступников получили наказание. При этом за 20 лет число коррупционных преступлений снизилось в 3 раза. Эти данные говорят о маргинальном характере данного вида преступлений в общей структуре преступности. При этом остаются проблемы уголовно-правового регулирования, в том числе неопределенность минимального размера взятки, необходимого для квалификации, в результате чего определение грани между обычным подарком и преступлением отдается на усмотрение суда. Кроме того, несмотря на громкие скандалы последних лет, в уголовном законодательстве по-прежнему не урегулирована ответственность депутатов пар-

ламента за получение взяток (в частности, за обеспечение принятия или отклонения определенного законопроекта), притом что установлена уголовная ответственность иностранных парламентариев и даже членов Европарламента (многие из которых также являются членами германского парламента) за получение взятки. Автор подозревает здесь определенный саботаж со стороны законодателя, оправдываемый особой природой представительного органа, члены которого представляют различные идеи, существующие в обществе и выражаемые различными политическими партиями, влияющими на политический процесс разнообразными способами, в том числе посредством лоббирования. Наконец, отмечая недостаточность даже самого совершенного уголовного законодательства для действенной борьбы с коррупцией, профессор Хейнрих приводит целый ряд мер предупреждения коррупционных преступлений, в том числе достаточное материальное обеспечение государственных должностных лиц, подкрепленное угрозой потери работы в случае нарушения закона; принятие государственными органами различных уровней и отраслевой принадлежности внутренних положений о противодействии коррупции, учитывающих специфику конкретной области; регулярный мониторинг наиболее подверженных коррупции отраслей государственного управления; реализация принципа «четырех глаз» – отход от практики единоличного принятия решений в пользу увеличения числа независимых субъектов, принимающих единое управленческое решение; регулярная ротация кадров на коррупционно опасных должностях; введение «телефонов доверия» и штатных должностных лиц (в том числе омбудсменов), непосредственно принимающих и проверяющих сообщения о фактах коррупции; введение «коррупционного реестра» компаний, сотрудники которых были уличены в коррупционных преступлениях при заключении государственных контрактов, с целью недопущения таких компаний к участию в размещении государственных контрактов и заказов.

Другой подход к уголовно-правовому регулированию коррупционных преступлений, принятый в США, осветил профессор Сэмюэл Бьюэлл из Университета Дьюка. В США уголовно-правовое противодействие коррупции осуществляется через институты взяточничества, вознаграждения (*gratuity*) и

раскрытия информации (disclosure). Состав взяточничества, сформулированный по принципу *quid pro quo*, требует предварительно достигнутого соглашения или понимания, что одно лицо дает другому что-либо в обмен на определенное властное действие. Непременным условием квалификации взяточничества является наличие у субъекта преступного мотива, руководящего его поведением. В отличие от взяточничества, при котором дача взятки должна предшествовать совершению требуемого властного действия, состав незаконного вознаграждения может быть квалифицирован и без строгого соблюдения принципа *quid pro quo*, в том числе в случае предоставления вознаграждения за ранее совершенные властные действия либо в надежде на возможность совершения такого действия в будущем. Однако в обоих случаях требуется доказывание понимания взяткодателем и взяткополучателем связи между взяткой и конкретным определенным властным действием. Кроме того, антикоррупционную направленность имеют уголовно-правовые санкции за нарушение различных правил раскрытия сведений о доходах и иной личной информации в процессе избрания или назначения на государственную должность.

До недавнего времени чрезмерная сложность доказывания по данным категориям дел компенсировалась применением к отношениям публичной службы аналогии с пассивным мошенничеством. При этом государственный служащий, втайне от граждан получивший материальную выгоду в обмен на совершение действий, противоречащих интересам населения, уподоблялся недобросовестному подрядчику, скрывающему от заказчика (в данном случае – от граждан) факт невыполнения услуги по договору (в данном случае – отправление власти в интересах населения). При этом доказывание причинной связи между предоставлением материальной выгоды и властным действием не требовалось. Однако в 2010 г. Верховный суд США положил конец этой практике, сославшись на то, что в этом случае круг нарушений обязанностей государственного служащего, способных повлечь уголовную ответственность, является критически неопределенным.

Основной тезис американского докладчика состоит в том, что одними лишь правовыми (в частности, уголовно-правовыми) средствами коррупцию невозможно не только победить,

но даже полностью запретить. Во-первых, по мнению автора, коррупции нельзя дать точного юридического определения: ни одна правовая теория не может объяснить, почему вручение чиновнику темной ночью чемодана денег из багажника является коррупцией, тогда как система финансирования избирательных кампаний в США с коррупцией не имеет ничего общего. Коррупция остается скалярной величиной, ее признаки носят не качественный, но количественный характер, поэтому уголовное право может воздействовать лишь на крайние и наиболее серьезные формы коррупции. Во-вторых, коррупция не может быть полностью запрещена средствами права, поскольку последнее требует точности формулировок, в данном случае недостижимой. Требование определенности права не позволяет сформулировать настолько же широкие и размытые правовые нормы, насколько широка и размыта коррупция как социальное явление.

Поскольку полный уголовно-правовой запрет коррупции невозможен, ученым и специалистам следует сосредоточиться на возможных путях опосредованного контроля коррупции уголовно-правовыми средствами. Как следует из опыта противодействия коррупции в частном секторе в США (в частности, применения FCPA), наиболее эффективным средством непрямого контроля коррупции является установление уголовной ответственности субъектов, обязанных контролировать коррупционные проявления и не исполняющих либо ненадлежащим образом исполняющих эту обязанность. Так, угроза проведения антикоррупционного расследования в рамках FCPA и связанных с этим финансовых и репутационных потерь заставляет американские корпорации тщательно отслеживать попытки взяточничества со стороны своих работников, а в случае выявления таких фактов – активно содействовать правоохранительным органам в расследовании. Профессор Бьюэлл полагает, что и в публичной сфере могут быть найдены социальные институты и организации, которые уголовно-правовыми средствами можно «побудить» к активной антикоррупционной работе.

Бразильский профессор Эдуардо Питрез де Агиар Корреа из Университета Рио-Гранде остановился на специфике коррупции и борьбы с ней в Бразилии. В его представлении существенными предпосылками для рас-

пространения коррупции в Бразилии, как и в ряде других развивающихся стран, является чрезвычайно высокий процент бедного населения, низкий уровень социально-экономического развития и неразвитость системы образования. Классическое взяточничество нашло свое отражение в Бразилии в составах «активной коррупции» (дачи взятки) – предложения или обещания выгоды должностному лицу с целью получения преимуществ, связанных с его должностным положением, а также «пассивной коррупции» (получения взятки) – получения или просьбы о предоставлении должностному лицу выгоды для выполнения определенного действия (поручения), связанного с должностным положением взяточполучателя.

В условиях слабости внутригосударственного антикоррупционного потенциала развитие национального антикоррупционного законодательства осуществляется в рамках членства в соответствующих международных конвенциях: Конвенции ООН против коррупции 2003 г., Межамериканской конвенции против коррупции 1996 г. и Конвенции ОЭСР 1997 г. В процессе присоединения к этим конвенциям был криминализован ряд налоговых преступлений (в соответствии с § 7 ст. 3 Межамериканской конвенции, «налоговое благоприятствование лицу или компании в обмен на выплаты в нарушение антикоррупционного законодательства»), фальсификация официальных документов, фальсификация или подлог частных документов, использование подложных документов, активная и пассивная коррупция (§ 10 ст. 3 Межамериканской конвенции), коррупционные действия в отношении иностранных должностных лиц (дача взятки при совершении международных коммерческих сделок и др.). В то же время, несмотря на рекомендации ст. IX Межамериканской конвенции и ст. 20 Конвенции ООН, Бразилия до сих пор не криминализовала неосновательное обогащение, полагая, что установление уголовной ответственности за несоответствие имущественных сделок лица его официальным доходам несовместимо с принципом презумпции невиновности.

Говоря о дальнейшем развитии средств антикоррупционной борьбы, профессор Корреа обращает внимание на отсутствие прямой связи между усилением уголовно-правового воздействия и снижением уровня коррупции: наименее коррумпированные страны обыч-

но также демонстрируют наиболее гуманное уголовное законодательство. В этой связи он предлагает высвободить антикоррупционный потенциал общества, в частности, путем декриминализации традиционного для стран Латинской Америки состава «неуважения» (критики) государственных органов и должностных лиц (исп. *desacato*). Легализация такого рода критики позволит значительно укрепить потенциал общественного контроля за администрацией, технические возможности для которого в последнее время значительно возросли.

Сербский профессор Срето Ного из Университета Мегатренд (Белград) в своем докладе подчеркнул особую опасность коррупции для прав и свобод человека. Общее воздействие коррупции проявляется в перманентном обескровливании материальных ресурсов государства, формировании в обществе представления о возможности быстрого обогащения с нарушением закона, в конечном счете в неспособности публичных служб обеспечить оказание населению качественных услуг. Специальное воздействие коррупции проявляется в дисфункции определенных частей государственного механизма, результатом чего становится невозможность реализации гражданами некоторых своих прав и свобод, а также нецелевое использование общественных ресурсов для удовлетворения частных нужд. В целом, по мнению докладчика, степень коррумпированности отдельно взятого государства прямо зависит от уровня демократизации и гражданского контроля над администрацией.

Заведующий сектором уголовного права Института правоведения Академии общественных наук КНР профессор Лю Жень-вэнь посвятил свой доклад перспективам совершенствования антикоррупционного законодательства и институтов КНР с учетом положений Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Поскольку ни Конституция, ни УК КНР не определяют соотношение международного и национального права, положения Конвенции ООН могут быть реализованы в КНР лишь путем их имплементации в национальное законодательство. Несмотря на то что Конвенция вступила в силу для КНР еще в 2006 г., китайские власти до сих пор самостоятельно выстраивают антикоррупционную политику, практически не учитывая ее положения. Поэтому китайское законодательство значительно расходится с целым рядом поло-

жений Конвенции, которая по этой причине может быть, наконец, задействована для решения актуальных законодательных проблем.

Так, Конвенция дает функциональное определение публичного должностного лица как выполняющего некоторую публичную функцию или предоставляющего публичную услугу. В то же время статья 93 УК КНР относит к числу государственных служащих, помимо собственно служащих государственных органов, исполняющих обязанности государственной службы, также работников государственных компаний, предприятий, учреждений и коллективов, осуществляющих обязанности публичной службы и т.д. Столь широкое понимание субъекта коррупционных преступлений в условиях рыночной экономики представляется докладчику неоправданным, в связи с чем предлагается ввести в УК КНР ограничительное функциональное определение в соответствии с Конвенцией ООН.

Другим актуальным вопросом является определение предмета коррупционных преступлений. Примененный в ст. 385, 389 УК КНР термин «имущество» получил официальное расширительное толкование и включает не только вещи, но и иные имущественные права и интересы, имеющие денежное выражение. Однако и такое широкое понимание не позволяет учесть при квалификации новые виды взяточничества в форме оказания различных услуг, в том числе интимного характера. Поэтому профессор Лю Женьвэнь предлагает заимствовать и включить в УК КНР понятие «неправомерное преимущество», которое при надлежащем истолковании поможет охватить уголовно-правовым вниманием новые формы коррупционной деятельности.

В свете международного сотрудничества по противодействию коррупции неожиданное звучание приобрела проблема сохранения в КНР смертной казни за коррупционные преступления. Участившиеся случаи бегства лиц, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений, за границу ставят задачу их дальнейшей экстрадиции, которая становится практически невозможной ввиду наличия в законодательстве многих государств положения о запрете выдачи лица, которому угрожает смертная казнь. Экстрадиция в таких случаях возможна лишь после длительных и сложных переговоров, что никак нельзя признать эффективным вариантом международ-

ного сотрудничества. В этой ситуации отмена смертной казни за коррупционные преступления, как ни парадоксально, позволит повысить неотвратимость наказания.

Наконец, противодействие коррупции в КНР сохраняет значительную организационную и процессуальную специфику, зачастую не соответствующую принципу правового государства. В настоящее время борьбой с коррупцией занимаются Управление прокуратуры по борьбе с коррупцией, Министерство контроля, Центральная комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая и созданная в 2007 г. Государственная служба по предупреждению коррупции. При этом Министерство контроля и партийная дисциплинарная комиссия в своей деятельности используют непроцессуальные формы расследования, известные как «двойное указание» (*шунанчжи, шунангуй*), состоящие в выдаче члену партии или государственному служащему обязательного указания прибыть в определенное время в указанное место для допроса и производства расследования. Фактически лицо подвергается непроцессуальному ограничению свободы и расследованию без участия прокуратуры и суда, что не соответствует конституционным положениям о правах личности. Более того, по результатам такого расследования лицо может быть уволено с государственной службы или исключено из партии, опять же без какого-либо судебного разбирательства. Докладчик предлагает отказаться от подобной практики и реорганизовать органы по борьбе с коррупцией, сосредоточив функции расследования в соответствующих подразделениях прокуратуры. Для комплексной реализации этих и других правовых мер противодействия коррупции профессор Лю Женьвэнь также рекомендует в соответствии с положениями Конвенции ООН принять специальный закон КНР «О противодействии коррупции».

По завершении работы 5-я сессия форума приняла резолюцию (ниже приводится ее полный текст).

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

5-й сессии Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации»

Мы, 196 представителей 19 стран и регионов, таких как Россия, Франция, Германия, Филиппины, Таиланд, Канада, Соединенные

Штаты Америки, Сербия, Италия, Испания, Венгрия, Колумбия, Аргентина, Бразилия, Китай (включая Гонконг и Макао), Тайвань, Япония, а также представители некоторых международных организаций, таких как ООН, Европол и Международная криминологическая ассоциация, приняли участие в 5-й сессии Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации» (IFCCLGE), собравшись под девизом: «Объединим людей во всем мире в создании новой эры глобальной антикоррупции!» После трех дней глубоких исследовательских дискуссий мы согласились в следующем.

Продолжающееся всемирное развитие вызывает глобализацию и универсализацию коррупции. Масштабы глобальной коррупции стали критической угрозой людям и обществу.

Серьезность глобальной коррупции отчетливо проявляется в следующих трех аспектах: 1) коррупция на высшем уровне, являющаяся коррупцией правителей и правящей элиты; 2) коррупция ввиду безграничной экспансии экономической власти: рынок и рыночные ценности все больше и больше вторгаются в сферы жизни, которые не должны контролироваться рынком; 3) усугубляющаяся коррупция вследствие формирования политики грязных денег. В результате глобальная коррупция разрушает рыночную экономику стран, препятствует общественному развитию и способствует повышению уровня бедности; она усиливает процессы не-демократии, усугубляет социальную несправедливость, вызывает кризис законности и в конечном счете приводит к абсолютному краху законности. В то же время, если государства утратят свою легитимность, обществу угрожает опасность скатиться в анархию, социальный распад, повсеместное насилие и войны; права человека не будут защищены, человеческая жизнь обесценится.

Коррупция является продуктом определенных исторических обстоятельств. В примитивных обществах мы обнаруживаем ограниченные формы частной собственности, публичная власть не доминирует над населением и, следовательно, коррупции практически не существует. Достаточно часто коррупция идет рука об руку с разветвлением публичной власти и частной собственности. Частная собственность приводит к жажде богатства, в то время как публичная власть над людьми – к злоупотреблению властью, а их комбинация является

определяющей для большинства коррупционных деяний. Тем не менее человеческое общество продолжает свое развитие; политические и экономические системы непрерывно изменяются, и, следовательно, причины коррупции также постоянно изменяются.

В настоящее время коррупция – продукт наших политической и экономической систем в эру глобализации.

В политической системе разные проблемы возникают вследствие различных дефектов демократии, приводящих к отличительным формам широкомасштабной коррупции. Демократия имеет два значения: первое из них означает «власть людей»; это определение отсылает к основам суверенитета. Только государство, основывающее власть на воле своих граждан, может называться демократическим. Согласно данному определению, ни одно из государств не может называться подлинно демократическим в силу того, что в современных исторических условиях ни одно из них не претворяет названный принцип во всей его полноте в жизнь. Другое значение демократии – так называемая демократическая модель. В рамках этой идеи демократия имеет несколько моделей, каждая из которых развивается и имеет риск стать обратимым процессом. В этой связи демократическое развитие большинства современных наций происходило не по прямой линии, а было процессом извилистым с характерным сосуществованием демократии и не-демократии и их взаимным влиянием друг на друга. В таком напряженном развитии мы обнаруживаем высокоразвитые демократии, изменяющие качество общества, следующие к более высоким стадиям демократии и, хочется надеяться, к идеалу – власти народа. В определенной степени не-демократии также переживают качественные изменения, следуя к диктаторству и авторитаризму, упраздняющим формальные и материальные институты демократии. Сегодня мы можем назвать множество стран, подвергшихся таким качественным изменениям.

В том, что касается зависимости между демократией и коррупцией, мы можем сформулировать золотое правило: демократизация обратно пропорциональна коррупции, в то время как не-демократия прямо пропорциональна коррупции. Демократия благоприятствует стране, в то время как коррупция ее разрушает.

С экономической точки зрения рыночная экономика является одной из основных форм современной экономики. Рынок и рыночно-ориентированные подходы внедряются в сферы, управляемые традиционными нерыночными нормами. Перечислим, какие фундаментальные изменения экономической системы могут вести к коррупции:

1) Внедрение концептов рынка и рыночного управления в политическую сферу превращает политику в еще одну форму рынка и, таким образом, делает политику подчиненной рыночным правилам. Если экономические силы внедряются в политические до тех пределов, когда первые доминируют над вторыми, это вынуждает политику чрезмерно соответствовать формам экономической рациональности. Всё в политической сфере может стать предметом потребления и, следовательно, быть потребленным за деньги.

2) Внедрение концептов рынка и рыночного управления в сферу морали и этики, так же как и в другие сферы, уничтожает моральные ценности и значимость человека; оно искажает гуманность, разъедает душу, разрушает моральные качества и таким образом загрязняет социальную атмосферу в целом. В результате таких процессов коррупция стала общемировым явлением.

Внедрение рынка в нерыночные сферы также является развивающимся и обратимым процессом.

Существует правило, определяющее отношения между рынком и коррупцией: коррупция прямо пропорциональна степени внедрения концептов рынка и рыночного управления в нерыночные сферы, в то время как обратная пропорция наблюдается при успешном противодействии такому внедрению. Если рынок занимает все сферы в обществе, рыночная экономика становится рыночным обществом и, таким образом, целиком подвергается коррупции. Оба из указанных представлений о коррупции могут быть использованы нами в поиске правильного теоретического подхода к предотвращению глобальной коррупции и контролю над ней.

Со стратегической точки зрения реформа представляет собой самый простой подход к предотвращению глобальной коррупции и контролю над ней. В этой связи необходима двунаправленная реформа – на политику и на экономику. Политическая реформа фокусируется на «поддержании демократии и сопротив-

лении не-демократии», постоянном продвижении процесса демократизации. В некоторых высокоразвитых демократических странах политическая реформа может продвигать «принцип народного суверенитета» и поступательно расширять пределы народовластия.

Экономическая реформа фокусируется на обратимости внедрения там, где концепты рынка и рыночного управления поражают сферы жизни, которые традиционно управлялись нерыночными нормами.

В новом столетии глобальная коррупция стала более серьезным и широко распространенным явлением. Усиливается мультинациональная коррупция, равно как и растет плотность коррупционных сетей, и это все определяет необходимость в международном сотрудничестве в сфере глобальной антикоррупции. «Ни одно государство, каким бы сильным оно ни было, не может лишь своими усилиями оградить себя от современных угроз. Каждому государству для обеспечения своей безопасности необходимо, чтобы другие государства сотрудничали с ним». При таких обстоятельствах Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая в 2003 г. и вступившая в силу в 2005 г., имеет большое практическое и историческое значение. Она стала наиболее значимым стратегическим решением Организации Объединенных Наций, направленным против глобальной коррупции, выражающим волю глобального общества предпринимать согласованные действия в целях предотвращения и контроля коррупции.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции – первый правовой документ в истории Организации Объединенных Наций, призванный служить руководством в международной борьбе против коррупции. Уже сегодня 168 государств-подписантов являются участниками Конвенции. Мы должны обеспечить имплементацию Конвенции в каждом государстве.

Внимание настоящего форума было сосредоточено на изучении Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции как таковой, анализе ее имплементации, опыта применения и теоретических инноваций, равно как и на тщательном исследовании влияния ее применения на внутреннее законодательство государств-подписантов.

Мы провели глубокое исследование различных глобальных антикоррупционных тео-

рий, множества практических проблем, включая понятия коррупции; стратегии и тактики обнаружения коррупции; политики, направлений и специфических мер предотвращения коррупционных практик, а также соответствующего законодательства. Нами было обнаружено несколько важных концепций:

1. Демократия является основой верховенства права. Без демократии не может быть реального верховенства права, в такой ситуации будет иметь место лицемерное верховенство права.

2. Верховенство права должно сочетаться с определенной добродетелью таким образом, чтобы сознательное человеческое добродушие могло быть восстановлено, а коррупция предотвращена на этапе ее зарождения.

3. В борьбе с коррупцией большое внимание должно быть уделено соблюдению прав человека, антикоррупционные законы не должны нарушать основные принципы и нормы права в области прав человека.

4. Цель антикоррупции не столько в нанесении удара или наказании преступников, равно как не является целью и искоренение коррупции, цель антикоррупции заключается в предотвращении коррупции и установлении контроля над ней.

5. Концепция глобальной коррупции очень широка, поэтому она включает в себя моральную и криминальную коррупцию, личную и организационную коррупцию, международную и внутригосударственную коррупцию.

Таким образом, задачей данной сессии являлось установление эффективной научно обоснованной правовой системы предотвращения коррупции на международном и внутригосударственном уровнях. Осуществить это мы намереваемся путем концентрирования на Конвенции, упрочения международного сотрудничества, согласования международного и внутригосударственного права. Это длительный процесс, требующий долговременных настойчивых усилий народов всего мира.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов А.П. Противодействие коррупции: теоретико-прикладное исследование / А.П. Кузнецов // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. – Beijing, China, 2013. – P. 268–316.
2. Михайлов В.И. Противодействие коррупции в Российской Федерации: основные направления государственной политики и уголовной ответственности / В.И. Михайлов // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. – Beijing, China, 2013. – P. 317–350.
3. Федоров А.В. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в российском уголовном законодательстве / А.В. Федоров // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. – Beijing, China, 2013. – P. 351–369.

REFERENCES

1. Kuznecov A.P. Corruption counteraction: theoretical applied research. [Kuznecov A.P. Protivodejstvie korrupcii: teoretiko-prikladnoe issledovanie]. The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China, 2013, pp. 268–316.
2. Mihajlov V.I. Corruption counteraction in the Russian Federation: main directions of state policy and criminal responsibility. [Mihajlov V.I. Protivodejstvie korrupcii v Rossijskoj Federacii: osnovnye napravlenija gosudarstvennoj politiki i ugovnoj otvetstvennosti]. The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China, 2013, pp. 317–350.
3. Fedorov A.V. Anti-corruption standards of OECD and their realization in Russian criminal legislation. [Fedorov A.V. Antikorrupcionnye standarty OJeSR i ih realizacija v rossijskom ugovnom zakonodatel'stve]. The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China, 2013, pp. 351–369.

Сведения об авторах

Коробеев Александр Иванович – вице-президент Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации», заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

Сонин Вадим Вадимович – докторант Китайского политико-юридического университета Цинхуа, г. Пекин, Китайская Народная Республика; e-mail: vsonin@yahoo.com.

Information about authors

Korobeev Aleksandr Ivanovich – international forum «Crime and Criminal law in the in the Global Era» vice-president, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Far Eastern Federal University Law School, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

Sonin Vadim Vadimovich – Chinese Qinghua University of Politics and Law doctoral candidate, Beijing, People's Republic of China; e-mail: vsonin@yahoo.com.